

СВО

КЛАУЗЕВИЦ
И ПУСТОТА

МИХАИЛ ГОЛОВЛЕВ

Михаил Головлев
СВО. Клаузевиц и пустота.
Политологический анализ
операции и боевых действий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69017026

*СВО. Клаузевиц и пустота. Политологический анализ операции и
боевых действий:
ISBN 978-5-6049314-2-4*

Аннотация

Специальная военная операция (СВО) уже изменила мир.

Начав её проведение, Россия сделала заявку глобального исторического уровня на более справедливое, чем однополярная гегемония, мировое переустройство, учитывающее российские ценности и интересы. Именно так на это и отреагировали страны Запада и их союзники.

Эскалация конфликта привела к фактическому изъятию финансовых резервов России, дискриминационным экономическим, культурным, религиозным последствиям, а на поле боя – к многочисленным жертвам и противостоянию российского и западного военных потенциалов.

Дальнейшая частичная мобилизация перевела российское общество из поддерживающих или осуждающих СВО в непосредственных участников.

Глобальность и важность Операции, влияние на текущие события и завтрашний день требуют понимания её обстоятельств и проблем. Российское общество, столь значительно теперь вовлеченное в СВО, имеет на это полное право.

Данная книга, написанная на основе глубокого анализа событий СВО, дает ответы на многие вопросы. И ставит новые, найдя и реализуя решения которых, возможно многое изменить к лучшему.

Она написана практиком и подтверждена в своих выводах командирами и бойцами, участвующими в СВО.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1 О сущности СВО	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Головлев

СВО. Клаузевиц и пустота.

Политологический анализ операции и боевых действий

© Головлев М., 2023

© Книжный мир, 2023

*Начиная с 23 октября 2022 года, эта работа
культурно распространялась среди различных
московских элитарных групп.*

*Также с ней был ознакомлен ряд
полевых российских командиров из зоны СВО,
подтвердивших её выводы.*

*«Я прошу Министерство обороны внимательно
относиться ко всем гражданским инициативам,
в том числе учитывать критику и правильно,
своевременно реагировать на неё».*

Владимир Путин, 21 декабря 2022 года

Предисловие

В теме СВО уже сейчас множество интерпретаций и оценок, а в дальнейшем их будет лишь всё больше. Это субъективизм. Мы постараемся иметь дело с фактами. Наши выводы будут иметь с ними причинно-следственную связь. Наши предпочтения и заинтересованности мы постараемся убрать из черновиков. По содержанию, и, в значительной степени форме, это будет политологический анализ.

У нас, несомненно, есть симпатии и антипатии. Но не в этой работе. Мы будем позволять себе абстракции и аналогии, но в крайне умеренных дозах.

Мы не поддадимся соблазну поверхностных оценок и очевидных констатаций. Приложим усилия к выявлению истинных корней и отделим их от следствий, зачастую представляющих причинами. Мы увидим между ними отличия и найдём ключ к коррективам. В этом наша цель.

Не будучи признанными экспертами в военном деле как таковом, и более того, не являясь ими, мы ощущаем потребность ориентироваться на военные авторитеты. Выбор же опоры делается зависимостью от проблемы. Мы могли бы взять Лиддела Гарта или Генриха Леера, Сунь-цзы или Жана-Луи Леваля. Стремясь к опоре на знание русской военной почвы, вполне разумным было бы сверяться с генералами Снесаревым и Свечиным.

Но так как, по нашему глубокому убеждению, мы столкнулись с системными коллизиями, с промахами в оценках современных трансформационных процессов, то, обратившись к истокам как лучшему способу оттолкнувшись от надежного начала найти деструктивный перелом, выбрать мы решили классика, которого хоть раз цитировал каждый. Мы говорим о работе Клаузевица «О войне» как, без преувеличения, о базе всей военной теории. Именно она, по нашему мнению, в итоге отражает ключевые содержания русских проблем СВО ввиду её стержневой военной составляющей.

Личностные оценки, которые мы будем давать, не отражают наших симпатий. Это лишь инструмент демонстрации причинно-следственных связей акторов и значимых событий там, где мы это видим. Без такого подхода наш анализ был бы неполным.

Структура работы будет включать описание ситуаций, их характерные примеры. Анализ будет сродни постановке диагноза, без которого любая терапия неверна. Таким образом, мы постараемся подойти к нашему исследованию с научно-аналитических позиций.

Итогом предполагаются выводы, которые мы постараемся сделать такими, чтобы они предлагали не рефлексии, но содержательную коррекцию. Мы не будем вести хронологию этой кампании, но детально рассмотрим несколько характерных боевых ситуаций, что позволит выявить типичные и схожие трудности и их характеристики.

Наша цель, помимо научно-исследовательского исследования – помочь увидеть реальную обстановку, сделать выводы и провести необходимые улучшения.

Конечно же, в качестве возражений о допущенных суждениях последует указание о недостаточности военных компетенций. Посмеем заявить, что здесь они и не нужны. Ибо результат работы профессионала всегда очевиден. Особые навыки инженера создают автомобиль, мост и дом. Особые навыки врача дают излечение. Условное, и то очень условное, исключение – спецслужбы. Тут условность в подспудном результате в виде стабильности и покоя общества. Иначе и здесь нет права прикрываться наличием отдельных навыков и второе – с учётом того, что военная операция была провозглашена специальной – узковоенные компетенции, как таковые и недостаточны, и неприемлемы. Здесь мы смотрим через конвергенцию.

Несомненно, людям, знающим кулуарные процессы СВО, некоторые наши интерпретации фактов в деталях покажутся неточными или неверными. Скорее всего, так зачастую и будет. Мы, конечно же, не обладаем необходимыми инсайдами и не участвовали в планировании СВО.

Но это и не важно, потому что в сложившейся ситуации подобные детали вряд ли имеют принципиальное значение по отношению к объективным и масштабным процессам, очевидным трудностям, коллизиям, необходимости поиска системных коррекций. Тем более что в работе не использо-

ваны какие-либо секретные материалы, сведения, составляющие военную или любую иную тайну. Практически весь текст сформирован на основе анализа открытых источников и в разных видах может быть обнаружен на форумах, публикациях и т. п.

За рамками этой работы останутся принципиально важные оценки качества и своевременности разведывательной информации, взаимодействия различных оперативных и войсковых служб, вовлеченных групп влияния. Полноценный публичный анализ этой деятельности в настоящее время невозможен. Можем лишь порекомендовать провести её компетентным специалистам, причём отказавшись от стереотипов, личных и ведомственных предпочтений. Частичное исключение будет сделано для оперативно-политического спектра и то лишь в рамках ранее публично освещаемых в СМИ сведений.

Мы также не видим смысла анализировать здесь предпосылки, мотивы и стимулы, легшие в основу принятия решения о СВО, а также кулуарные процессы, приведшие к ней. Это мы оставляем другим.

Глава 1 О сущности СВО

Вопрос: почему СВО?

Наиболее очевидный ответ: потому что Россия не собиралась воевать.

Традиционная война означает победу в силовом противостоянии с помощью массового уничтожения вооруженных сил противника до того состояния, когда они оказываются неспособными оказывать сопротивление. В контексте войны захват территорий предполагает прекращение возможности их использования для продолжения войны. Ещё раз – захват территорий, ресурсов и населения как мобилизационного фактора с целью подавления сопротивления.

Анализ риторики первоначального периода СВО подтверждает, что российское руководство таких целей не ставило. Более того, в ситуации призыва со стороны Президента РФ В. Путина к украинским военным взять власть и вступить в диалог в феврале 2022 года, озвученного уже после начала операции, демонстрировался уважительный формат готовности к взаимодействию. Это не отношения войны.

Почему планы пошли не так? Вероятно, теперь уже есть основания предположить, что расчет по определенным позициям оказался ошибочным. Наша задача – не искать причины политических ошибок как таковых. Мы хотим разобраться в технологических процессах.

Предполагаем, что к настоящему моменту (на октябрь 2022 года), СВО в своей динамике прошла несколько этапов:

Первый – попытка блицкрига на девяти ключевых украинских направлениях с киевским приоритетом, организация и обеспечение «дворцового переворота» смены власти в Киеве и последующая перезагрузка российско-украинских отношений. Расчёт на бегство или гибель Зеленского, перехват власти подконтрольными украинскими политиками. Этап завершился после неудачных попыток штурмов Киева и Харькова, финализировался Стамбульскими договоренностями.

Весьма вероятно, что он означал и завершение изначального плана СВО. Вернее, отказ от ключевых позиций или глубокую коррекцию ввиду выявленной нереализуемости в возникших условиях.

Второй – отведение войск из-под Киева, Сум и Чернигова, сосредоточение усилий на освобождении Донбасса, замыкании котлов. Расчет на глобальное огневое превосходство и топливное, снарядное истощение Украины. Финализировался Харьковско-Лиманским отступлением.

Третий – украинский удар по Крымскому мосту, публичное назначение командующего СВО, объявление в России частичной мобилизации, сосредоточение на уничтожении критической инфраструктуры, окончательный перевод операции в армейский формат, ограниченное военное положение на отдельных территориях, попытки постепенного пе-

ревода в режим позиционной, преимущественно оборонительной войны с акцентом на освобождении ЛДНР ¹.

На что были сделаны ставки и в чём их особенности?

Первый этап – ошибка оценки внутренней антироссийской консолидации, недооценка Зеленского, переоценка внутриукраинских конфидентов Москвы.

Второй этап – сделан расчет на обескровливание топливных запасов Украины, исчерпание боезапасов, мобилизационного ресурса. Недооценены возможности по формированию альтернативных схем поставок ГСМ в условиях неизолированного внешнего трафика, потенциал антироссийской коалиции по массированным поставкам вооружения, ускоренной переподготовке украинского личного состава, мобилизации наемников.

Третий этап характеризуется разворачиванием на фоне определенных военных успехов Украины и сопутствующей этому диверсионно-террористической активности с её стороны в отношении как перешедших под российский контроль бывших своих территорий, так и «континентальной» России. В ответ российское руководство сняло табу на удары по «критической инфраструктуре», то есть объектам жизнедеятельности, обрушивающие мирное течение жизни за линией фронта.

¹ ЛДНР – Луганская народная республика (ЛНР), провозглашена 27 апреля 2014 года; Донецкая народная республика (ДНР), провозглашена 7 апреля 2014 года. – *Прим. ред.*

В целом третий этап сопровождается переходом конфликта в режим волнообразной эскалации. Волна повышения украинского военного потенциала и достижения военных побед сменяется волной российской мобилизации и повышения ресурсных возможностей с последующими военными успехами. Далее, вероятно, уже Украина повышает ставки и осуществляет новый мобилизационный набор, довооружаясь западным вооружением и поэтапно готовя там войска. В этом смысле ситуация сродни игре в покер или морскому шторму, где каждая новая волна выше предыдущей.

Что же тогда сущностно представляет собой СВО?

Причинами выбора Специальной военной операции как организационного формата, вероятно, было то, что изначально планировалась комбинация как чисто военной, так и «специальной», то есть агентурной, разведывательной, контрразведывательной, информационной и политической компонент. В чём предполагалось содержательное отличие от войны или военного конфликта, как форм преимущественно военного противостояния.

В этом смысле в, то ли дефиниции, то ли логеме «специальная военная операция», «специальная» её авторами неслучайно размещена перед «военной».

Это отличие диктовало логику не победы на линии фронта, но решение задачи операции иными средствами и способами – кинжальными динамическими ударами в связке с невоенными мерами.

Противники России прекрасно осознали такой подход, и именно по этой причине изначально смещали акцент на то, что «исход войны будет решен на поле боя» (руководство НАТО, Евросоюза и т. п.). Такими заявлениями и последующими действиями создавались условия к невозможности увода боевых действий в их изначально планируемое «специальное» состояние.

Следствие неудачного блицкрига – сила тяжести операции действительно сместилась в военную сферу. И чтобы вернуть полновесный смысл термину «специальная», российской власти необходимо изменить баланс. Возможность и потенциальные инструменты для этого нами будут рассмотрены.

Но, для начала, разберемся, как и почему военные действия в рамках СВО развивались определенным образом.

Здесь следует учитывать стратегический базис, который российский Генштаб брал в основу своей работы. Так называемая «доктрина Герасимова» с 2013 года предполагала, что «среди основных отличий войны нового типа: начало военных действий группировкой войск мирного времени, высокоманевренный характер наступления, поражение критически важных объектов противника в короткие сроки, масштабное применение высокоточного оружия и сил специальных операций, а также удары по врагу по всей глубине его территории».

Как мы видим, именно такая попытка была предпринята

с началом СВО. Но что в итоге? Мобилизация и «войны артиллерии» в стиле Первой мировой, явно выходящие за рамки базовой концепции.

При этом украино-натовский союз, наоборот, наращивает технологичность своих действий. «Сетецентрическая» составляющая приобретает всё большее значение. Ведущаяся на Западе плановая интенсивная подготовка украинских резервов осуществляется именно в рамках этой концепции (“Army Multi Domain Operation” или “Network-Centric Warfare”) и базируется на применении передовых тактических алгоритмов с использованием новейших вооружений и технических средств.

Например, Великобритания по плану лета 2022 года готовила 10 тысяч украинских военнослужащих каждые 120 дней, а в дальнейшем заявлено о 15 тысячах. Это факт важно осознать. То есть даже тогда, когда украинская армия отступала, её боеготовый сегмент был извлечен и отправлен на четырехмесячную подготовку. Результатом стало широкомасштабное наступление осени 2022 года. Вывод в этой связи очевиден.

Вопрос – где и когда произошел сбой в российской стратегии? Мы говорим не о политических решениях, а о военной и специальной составляющей именно относительно практических механизмов реализации, оставляя за рамками политические расклады.

При анализе неудач Российской армии в ходе СВО важ-

но уйти от соблазна найти какую-то одну ключевую причину. Подобное упрощенчество никогда не позволит по-настоящему решить вопрос. Необходимо увидеть комплекс и систему. Иначе постоянные попытки одним движением разрешить проблему будут лишь приводить к дальнейшим потерям.

Мы удержимся от излишней детализации внутриэлитных российских союзов и коллизий, и их препарирования ввиду того, что они, при всё кажущейся важности, увлеченности ими игроков, уверенности в исключительной значимости таковых, реального ключевого значения сами по себе не имеют. Без наличия прямого военного ресурса, мотивированных сил – это лишь водители, крутящие по недоразумению руль без самого автомобиля.

При этом мы исходим и из того, что в российских неудачах на фронте и деятельности спецслужб, несомненно, присутствует человеческий фактор. Этот фактор, вероятно, имеет своё приложение в формах коррупции, государственной измены и некомпетентности.

Рассматривать уровень коррупции и её влияние на обстановку как самостоятельный процесс мы смысла не видим. Во-первых, коррупция не является верхнеуровневой выделенной сущностью или субъектом, субъекты – её организаторы; во-вторых, её высокий уровень и так очевиден и в подтверждениях в рамках этой работы не нуждается. Если мы займемся коррупцией как таковой, то получим довольно ру-

тинное, или местами скандальное описание тотальных проблем системы на всех уровнях без выявления реальных предпосылок. Потому что если система какавром настроена лишь потреблять и самосохраняться, то это не отвечает ни на вопросы о динамике, ни на вопросы, как так получилось, что исчезли другие функции, ни на то, по каким принципам она самоорганизуется и является допустимой и тем более оптимальной.

И, в-третьих, при должном регулировании процессов в экстремальных условиях этот фактор низводится до сопутствующего. Во время боевых действий воевать нужно с материальным врагом, без лишних эвфемизмов консолидируя и наращивая такие же материальные ресурсы и организуя системы объективного и достаточного управления. Об этом мы тоже подробнее поговорим в дальнейшем.

Что касается государственной измены, то, с оглядкой в прошлое, очевиден фактор предательства в макрополитических и военных процессах.

Со времен Сунь-цзы роль шпионов в войне не подвергалась сомнению. Российское общество довольно открыто, а его элиты до СВО были значительно вовлечены в процессы западной цивилизации. Даже намного более закрытый и идейно обособленный Советский Союз знал доказанные примеры государственных предателей самого высокого ранга, в том числе и в системах спецслужб (Калугин, Пеньковский, Поляков, Гордиевский, Лялин, Чернов и пр.). С уче-

том специфичности данного вопроса нет никакого смысла пытаться его прояснить путем анализа. Можно лишь предположить, что раз в прошлом этот фактор имел своё негативное значение, то и в проблемах СВО по аналогии он не мог не присутствовать. И на этом пока достаточно.

Относительно некомпетентности, следует признать – значительная часть российского госаппарата строит свою деятельность по имитационным моделям. Отдельно изучим в этой связи взаимосвязанные со СВО проблемы промышленности и экономики.

Для начала же рассмотрим структуру задействованных в СВО изначально Россией сил.

Во-первых, наиболее массовую и ударную составляющую – а рмейскую.

По неоднократно озвученным в СМИ и интернете данным, основным ударным организмом стали батальонно-тактические группы (БТГ). Возможно, предполагалось, что такая форма позволяет наиболее эффективно обеспечить маневренность, гибкость управления и обеспечения решаемых задач. И в самом начале СВО так и было. Например, по экспертным оценкам к Киеву Российская армия подошла составом около шести БТГ.

Можно предположить, что в общей сложности таковых БТГ на начальных этапах СВО было не более 120–140, причём формировались они из разных родов и видов войск – морской и сухопутной пехоты, десантников.

Однако, формат БТГ хорош при решении локальных задач, или как гибкий инструмент реагирования на резкое изменение обстановки. Но при массовом задействовании личного состава, острой необходимости постоянной поддержки пехоты артиллерией, бронетехникой, а тем более в окопных боевых действиях или масштабных наступательно-штурмовых операциях подобная организационная модель представляется крайне сомнительной.

Обособленные батальоны и отряды неустойчивы ни в обороне, ни в атаке, не имеют достаточных сил и резервов. В таких процессах намного более надежна традиционная структура «полк-дивизия».

Возвращаясь к задействованным силам, расчету по БТГ, вероятно, означает, что с учетом минимального резерва армейская составляющая фронта перекрывала личным составом около 60 тысяч личного состава на линию соприкосновения порядка тысячи километров.

Простая арифметика – базово, примерно 60 бойцов на километр (а в некоторых случаях значительно меньше). Конечно, эта логика накладывается на специфику местности, лесистость/гористость, наличие водных преград, необходимость штабного и тылового обеспечения, концентрации в моменты наступлений, обеспечение логистики, резерва, ротаций и, конечно же, выбытие раненых и погибших.

Итогом, естественно, становится острая нехватка личного состава. Её постарались восполнить добровольцами и бой-

цами ЧВК, из которых, по упоминаемым в интернете данным, было сформировано примерно 20 легких мотопехотных добровольческих батальонов (так называемых БАРСов – боевых армейских резервов специальных) и порядка 20 отрядов специального назначения, подчиненных, вероятно, военной разведке, и имеющих армейскую диверсионно-разведывательную функцию. Активно и на износ также использовались силы луганского и донецкого ополчения, т. н. «народной милиции».

Однако изначальный расчет не сработал и здесь.

Отсутствие тяжелого вооружения, бронетехники и артиллерии у БАРСов несмотря на то, что значительная часть бойцов были высокомотивированы и подготовлены, не позволило формировать из них самостоятельные прорывные или оборонительные структуры. Бронетехнику, да и просто автотехнику часто приходилось выменивать у армейцев, как-то договариваться, приобретать другими ухищрениями. Но это не дает фронтовой стабильности.

Что касается диверсионно-разведывательных отрядов, то, после того, как стало понятно, что первоначальный «блицкриг», где те, в режиме ЧВК, вероятно, должны были привлекаться для задач работы по прорывам, зачисткам отдельных непокорных территорий и важных объектов на фоне контроля Киева, не состоялся, они стали задействоваться лишь как штурмовая пехота, наравне с военным спецназом.

Несмотря на громкие названия, никакой массовой дивер-

сионной работы для обеспечения задач СВО организовано не было. Существуют разные мнения на счет того, почему так, и это действительно большая интрига.

С одной стороны, часто возникают ссылки на чеченский опыт, где военный спецназ в горах и лесах боролся с террористами. Следом был сирийский опыт, где Российской армии тоже не противостояла хорошо подготовленная армия целого многомиллионного государства.

О негативном влиянии этого опыта на СВО мы подробнее поговорим в разделе об опыте донбасском. Ведь у чеченских и сирийских инсургентов не было ни ракетных войск, ни иных высокоэффективных средств поражения, ни объектов работы в виде хорошо оборудованных командных пунктов и пунктов управления ПВО, логистических авиа- и железнодорожных каналов поставки из-за границы техники и вооружения, на уничтожение чего и должен быть ориентирован военный спецназ.

За всю СВО к нынешнему моменту в публичном поле нет ни одного сообщения о подобных акциях с российской стороны. Многочисленные публичные факты подтверждают то, что такие российские подразделения используются как штурмовая пехота.

Аргумент о том, что подобная диверсионно-разведывательная по стратегическим объектам противника работа невозможна ввиду понесенных в ходе СВО больших потерь в Гостомеле, под Харьковом и т. д., тем более не имеет смы-

ла, да и не соответствует действительности.

К примеру, отдельные, хорошо подготовленные, имеющие боевой опыт и мотивированные бойцы из числа ранее воюющих за республики Донбасса граждан Украины, часто имеющие даже действующие украинские документы, не выполняли свою основную специальную функцию, но несли большие потери на передовой.

Вот эти формирования изначально и стали «усилителями» немотивированных армейских подразделений. Однако, эти наиболее подготовленные структуры, а с ними и часть десанта ВДВ, морпехов, оказались при этом недостаточно вооружены артиллерией, бронетехникой.

В то же время перенасыщенные, но немотивированные армейские части завязли на территории противника, утратили столь важное для других военное имущество. Штабное управление оказалось неспособным своевременно оценить реальный потенциал своих формирований, быстро и гибко перераспределить ресурсы и обеспечить их эффективное освоение.

В этих процессах, в армейской «пищевой цепочке» извечный поиск виноватых заканчивался вопросом – кто пойдет на штурм?

Молодёжь, заключившая контракт после срочной службы по причинам стабильной зарплаты и военной ипотеки, оказалась совершенно немотивированной к такому уровню риска и самопожертвования.

И тогда, в режиме поиска «пожарной команды» теми, кто демонстрировал высокую боевую выучку и мотивацию, стали затыкать прорехи.

В итоге военный спецназ как особая и уникальная армейская боеготовая страта в какой-то момент фактически прекратил своё целостное существование. Вместе с ним подобная участь постигла и спецназ добровольческий – так называемые ДРО – диверсионно-разведывательные отряды. Массовые потери командного состава и боеспособных бойцов оставляли по итогу лишь «остовы».

Причём в это же самое время противник продемонстрировал высокую эффективность военного спецназа, но при правильном использовании. Во всех наступательных операциях ВСУ² периода лета-осени 2022 года одной из главных сил прорыва стали мобильные группы, выполняющие либо диверсионно-разведывательные, либо штурмовые задачи. Разница штурмов между сторонами, однако, состояла исключительно в нелинейности использования.

Как писал один из идеологов современных войн Галиотти, *«В настоящее время наряду с традиционными внедряются нестандартные приемы. Повышается роль мобильных межвидовых группировок войск, действующих в едином разведывательно-информационном пространстве за счет использования новых возможностей систем управления и*

² Вооруженные силы Украины (Збройні сили України). – Прим. ред.

обеспечения. Военные действия становятся более динамичными, активными и результативными. Исчезают тактические и оперативные паузы, которыми противник мог бы воспользоваться. Новые информационные технологии позволили значительно сократить пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления».

И как показал опыт одного из главных осенних сражений за Красный Лиман с негативным для российской стороны финалом, ВСУ активно и успешно реализовали этот метод. Множество мобильных межвидовых групп, имеющих надежную закрытую связь, большое количество малых беспилотных летательных аппаратов (БЛА, БПЛА) и других средств разведки, прорывались во фланги и дестабилизировали российскую оборону.

Деморализованные, не имеющие связи и достаточной разведывательной информации, твердого и своевременного управления российские солдаты часто оставляли позиции, считая, что такой натиск означает широкий прорыв фронта крупными силами, хотя в реальности чаще всего имели дело с довольно малочисленным врагом. Мобильные группы окружали поселки и блокировали их, отказавшись от патологической российской практики лобовых штурмов укрепрайонов.

Увы, российская сторона, в свою очередь, фактически

проигнорировала этот подход несмотря на изначальное наличие сил и средств для его реализации. Классический пример забивания гвоздей микроскопом сработал и здесь.

Клаузевиц: «Бой есть борьба, а цель последней – или уничтожить, или преодолеть противника; противником в каждом отдельном бою является та вооруженная сила, которая нам противостоит...

Что значит преодолеть противника? Не что иное, как уничтожить его вооруженные силы смертью, ранами или же каким-нибудь иным способом, будь то раз навсегда или в такой лишь мере, чтобы противник отказался от дальнейшей борьбы. Таким образом, закрывая пока глаза на все особые, частные цели боев, мы можем рассматривать полное или частичное устранение противника как единственную цель всякого боя.

Если это утверждение правильно, то придется признать, что подход к уничтожению неприятельских сил лишь как к средству, причём целью всегда будет нечто другое, правилен только в своём логическом построении, но он может привести к ошибочным выводам, если упустить из виду, что именно уничтожение неприятельских вооруженных сил опять-таки содержится в этой цели боя и что она представляет лишь слабое видоизменение стремления к уничтожению противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.